

4kommercantybosco sport

Распобедилось

колесо обозрения

И я первый раз видел, чтобы такое количество людей в сидячем, лежачем и полулежачем положении ждали, чтобы пописал тот, который сегодня в полный рост стоял на пьедестале и в честь него наш гимн играл.

— Мы всегда так последнюю медаль приносил. — сказал Тедеев, когда я спросил его. — И в Лондоне, и в Пекине, и в Афинах же то же самое было. ... И болшую жирную точку мы сегодня поставили. Независимо от того, что со всех сторон нас пытались давить. ... И на сборы приезжали к нам каждую неделю! Каждый день брали этот допинг! Каждый день! Спокойно подготовиться не давали. ... Последние два месяца это было. ... Поэтому на ребятах, которые психологически очень сильны не были, это отразилось. ... К сожалению. ...

Дзамболат Тедеев — сильный человек, и это признание ему, наверное, не очень легко далось, и в другой обстановке вообще, наверное, не далось бы, но тут, в последний день, когда все уж было кончено, он говорил об этом — я имею в виду, о том, конечно, что есть у него ребята, которые не так уж психологически сильны. Ведь глядя на них, обо всем можно думать, но только не об этом.

— Вот Болтукаев... — продолжал тренер. — Он был готов, все. ... Я его в такой форме не видел. ... Махов, он трехкратный чемпион мира, до конца 20 секунд остается, и проигрывает. ... Такого раньше не было, не могло просто быть. ... Вчера мы не спали, все это обсуждали. ... Гедуев тоже. ... Когда у нас золотую медаль забрали, когда у него рассеение... Забрали золотую медаль, потому что там... там. ... он опять начал это переживать и глотал слова, не мог закончить. — Была победа! Спорт, к сожалению, знаете. ... Она такая. ... Если бы этого прессинга не было, я на 100% уверен, мы бы лучше выступили. ... Не все оказались готовы, кто же знал. ...

— Хотя ваших ребят ведь не надо было мотивировать, как тех девушек из борьбы, серебрянных призерок, про которых потом Михаил Мамиашвили выражался. ... — Но с другой стороны, ну слушай! — Тедеев, может, ожидал, что я сам это скажу, но не дождался, а справедливость все равно должна была ведь восторжествовать. ... Но мы привыкли: на чемпионатах мира, на Олимпийских играх — четыре золотые, три золотые. ... В Лондоне была одна золотая, потому что накануне меня сняли, за три месяца. ...

Он очень просто это сказал, ну и что, это же общее место, это и так всем понятно, кто связан с борьбой, он просто сказал об этом к слову. ...

— Вы же на третьей Олимпиаде уже как главный тренер. Это, наверное, самая тяжелая для вас Олимпиада? — спросил я, не подумав.

Я не угадал. — Если вы помните, раньше во время Олимпиад все войны прекращались, а 08.08.08 помните? ... Да как же мне не помнить свой день рождения в Пекине?

— Так наоборот, в этот день войну развязали в Южной Осетии. Я сам из Южной Осетии. У меня там мать, отец, братья. ... Мои дети там в подвалах сидели, когда бомбардировки были. ... Переживали страшно, то, се. ... А в Пекине каждый тоже жертвовал собой. Так наоборот, мы тогда взяли три золота, одно серебро и три бронзы. Потом поехали в Южную Осетию сразу, как только вернулись, все ребята. ... И президент федерации Мамиашвили поехал, независимо от того, что он же грузин. ... По большому счету меняется мир. ... стал рассуждать главный тренер сборной России по вольной борьбе. — Мы не можем сказать, спорт — это не политика и что политика — это не спорт. Нет, спорт — это уже конкретно политика. ... Изначально были санкции из-за Крыма, потом спорт, допинг, WADA, то, се. ...

Слушайте, если даже та же Исинбаева, которая никогда не была нигде замешана, чего ради не должна была выступать? Другой вопрос: если кто замешан, наказывать! А почему, грубо говоря, если я не совершал, почему я должен отсидеть за кого-то? Ну вот и все. Вот и выговорился человек.

Но он не выговорился: — Почему я должен сидеть за преступление, которого не совершил? Но я не об этом! Каждая федерация должна плотно контактировать со своей международной федерацией, как наша. А я сегодня убежден, что многие федерации российских не контактируют со своими международными! Над этим надо работать! Это же отражается! И на страну, на престиж. ... А мы все вместе. ... У нас что делить, в нашей сборной? У нас же не «Газпром», не «Роснефть». ... Пока наш президент Мамиашвили. ... нет, не Мамиашвили, а Владимир Владимирович Путин к нам хорошо относится, практически всех нас поименно знает, все хорошо будет. ... — На закрытие Олимпиады вы, наверное, уже не успеете? — поинтересовался я. — Уже практически восемь месяцев мы в тюрьме, — сообщил мне Тедеев. Аналогии не давали ему покоя. — Ни семьи не видим, ничего. ... Хочется просто пойти, гордо посмотреть. ... Хотя бы последний день, знаешь. ... Мы уже устали так психологически. ... Для нас Олимпиада — это просто ковер, и все. А закрытие — это для туристов, пускай посмотрят. ... — Нет, там пойдут такие люди, которые не хуже вас, — попробовал я разубедить его. — Олимпийские чемпионы. Но его не надо было разубеждать: то, на чем он стоял, ковало эти победы на ковре. — Ой, слушай! — воскликнул он. — У нас своих олимпийских чемпионов хватает! И вот этот олимпийский чемпион! — он показал рукой себе за спину, — а вот он трехкратный олимпийский чемпион лежит. ... Просто они все рядом, с нами вот эту победу разделяют. ... — Говорят, вы жестко с ними. ... Меня почему-то называют Пиночетом они. ... — Чего вдруг. ... я знал, конечно, как его называют. И что другого такого человека, с кем они все так считаются, нет у всех этих людей. — Нет, ну я никогда себе лишнего не позволял и людей не оскорблял в любых ситуациях. ... вздохнул тренер. — Я просто требую от спортсмена то, что есть сегодня по плану. Не могу и себе позволить опоздать хоть на минуту. ... — И их отпустить во время соревнований на Ураза-байрам. — Нет, какое отпустить!!! Я им сам бычка зарезал, сказал: «Ураза-байрам будет вот здесь. ...» Все отменили, никакой Ураза-байрам дома. ... Нам надо готовиться к Олимпиаде. ... — Вы что Сослану сказали, когда он выиграл? Не ругали хоть? ... — Я сам, честно скажу, прослезился. ... Говорить даже не мог. ... Даже мне сейчас тяжело. ... Я увидел слезы на его лице, и это было неожиданно, но я бы не сказал, что очень. Такой человек мог себе это позволить. Борцы эти, именно эти борцы, и тренеры их, и даже массажисты — это дети больше, чем кто-нибудь другой, и даже чем сами дети. ... — Это такая радость и счастье. ... Олимпийским чемпионом Лондона он в финале боролся. Он в финале тогда выиграл, азербайджанец этот, у нашего двукратного тоже чемпиона мира Бесика Кудухова, царство небесное, его в живых уже нету. ... В автокатастрофе он погиб трагически. И они были очень близкими друзьями с Сосланом. И когда здесь настраивались, я говорю Сослану: «Слушай, надо отомстить за Лондон, что он у Бесика выиграл». И он говорит: «Дзамболат, я все сделаю, я его. ...» И вот он. ... Тедеев не мог больше говорить, какое-то время, справился потом с комком, который стоял в горле, продолжил: — И вот выиграл. Этого же никто не знает!.. Это я просто вам сказал, потому что вы сюда пришли, сидите с нами. ... Так что это двойная радость была. ... Так что вот почему он плакал. ... На колени встал и плакал после боя — это из-за этого. Он православный, он не молился, он плакал. — Почему вы не расходитесь сейчас? — спросил я. Ответ на этот вопрос я уж точно не знал, но хотел услышать ответ от него. — А после допинга ждем Сослана. — А что-то не все обычно ждут. — Путин как говорит: «Своих не бросаем». Мы своих не бросаем. Даже в такой трудной ситуации, как этот допинг-контроль. Тем более в такой трудной ситуации. — Не все? — переспросил он. — Потому что они знаешь кто после этого?!

И он сказал, кто они. И вы знаете, что именно он сказал. — Если ты сегодня, — продолжил Дзамболат Тедеев, — отвечаешь за команду, ты должен по-

следним покидать корабль! Неужели у тебя понятий нету. ... Или ты в доме никогда не воспитывался?.. Если уважения к младшим не будет, к старшим тоже уважения не будет, как можно этого не понимать?.. И все! Вся команда здесь. Мы люди не гордые, за £250 тыс. шампанское не пьем. ... — А могли бы. ... — Могли бы, — согласился он, — но позволить себе не можем, потому что зарплаты нету такой. ... Сколько получает главный тренер, знаешь ты? 70 тыс. рублей. — Не может быть, — сказал я. — Да. А как не получает? Получает. А футболисты сколько получают? Миллионеры фиговы. Не могут один мяч раскидать. ... Нет, мы, конечно, выживаем, волка ноги кормят, такие люди, как мы, не могут быть не востребованы. ... Но если твой профессиональный труд так ценят, то сам понимаешь. ... А как Гедуев боролся? Как на войне. Когда у него рассеченная бровь была. ... Мы воюем с ними. ... И тот же американец нас задушил, потому что за выход в финал Гедуев выигнал американца. И они так и отомстили. Везде надо ухо остро держать. ... А руку на пульсе. ... Как еще?

Только бы он никуда не делся из сборной теперь, этот человек. Разве с таким пропадешь? — Вы тоже не пойдете на закрытие? — спрашивал я минут через десять у президента федерации Михаила Мамиашвили. — Мыслей нет других, как только в баню пойти, с веником, и все, — сообщил он. — Немного все-таки выдохся к концу Олимпиады. ...

— А что вы на этих девушек, которые серебро выиграли, так резко?.. — спросил я. — А я могу сказать, что не надо людям голову забивать! — опять взвесь он. И никогда, видимо, не успокоится. — Не надо, — воскликнул, — свою слабость, свою бездарность, неумение бороться, равнодушие свое не надо переквалифицировать в то, что «а я не смогла!» И таких слов не знаю. Приехали гандболистки, и вот вам чудо, которое девочки и тренер сделали друг для друга. Какая поддержка друг друга! Сколько желания побеждать! Да они могли и проиграть, и у кого язык повернулся бы в их адрес хоть что-то нелицеприятное сказать. Они выложились! Потому есть тренер, который смог их увлечь, и они пошли за ним! И какие бы он слова ей в раздевалке ни сказал, она в New York Times не победит! Не победит в New York Times! Ну это разговор в раздевалке!.. В обычной жизни могут быть совсем другие акценты, совсем другие эпитеты. ... А это разговор в раздевалке! То, что там произносится, это совсем другая жизнь! Там и время по-другому идет!

— Не жалеете, вижу, что сказали тогда все это? — Да я готов перед всеми женщинами мира извиниться, за жесткость свою извиниться, в проповос нет. Я умею это делать. Я умею признавать свои слабости, я их знаю. ... Но никто меня не убеждает в том, что есть прощение равнодушию и слабости. А за тобой — флаг твоей страны, которой нужны силы как никогда, может, даже не медали, а твои горящие глаза, желание победить. ... — Конечно, кто упрекает Гедуева за серебро. ... — поучаствовал я. — Конечно!!! Только, обнять, только обнять. ... Мужчина, сражался, бился. ...

Через несколько минут из комнаты допинг-контроля вышел Сослан Рамонов. Был он какой-то легкий, нисколько казался не уставшим. Сразу сказал, что Бесик у Кудухову победу посвящает. Но без надрыва. — Четыре года назад он встретился с этим же парнем в Лондоне, — сказал Сослан. — Он тогда проиграл. А потом умер. Слава богу, что у меня сегодня получилось вернуть. ... Не знаю, как это еще назвать, но эта победа посвящается ему. ... Он помогал мне, когда я был маленьким. ... Всегда был рядом. ... И очень много в меня вложил. ... Думаю, видел там, с небес. ... Наверное, с закрытыми глазами мог бы выиграть сегодня, знаешь. ...

Ему очень хотелось есть. Он голодал перед схваткой: — Кушать хочется, воды хочется, энергии нету. ... Это очень тяжело — неделю так голодать. ... И я очень хочу домой, к семье, во Владикавказ. Там ждут меня мама, папа, братья, сестры, жена и моя десятилетняя дочка Аминочка. ... — Вот только тут он наконец прослезился. — Она такая ма-

ленькая еще, там смешно ползает и ходит, вы не представляете!.. Но ведь этого никто больше и не должен представлять. Потом его увидели все эти люди в тренировочном зале и качали, он подлетал так высоко, что мне было даже не по себе, и ему тоже, но от счастья, думаю. Все, теперь он был один из них. В Олимпийском парке люди еще собирались на баскетбол, американцы должны были еще выиграть самое последнее золото Олимпиады, а в Олимпийской деревне спортсмены уже садились в автобусы, и я понимал, что лучше сесть в тот, где поедут с музыкой. И я не ошибся. Уже через минуту он разрывал от хора синхронисток и «художниц»:

— Не стоит им дарить свою любовь!.. Песни, которые записала одна из них на телефон и выводила теперь через увесистый динамик, который он держала в руках, были все на русском и почти все — советские. — Старшему поколению понравится. ... — сказала она, помотрел, по-моему, на меня. ... На самом деле им самим нравилось гораздо больше. — Я уеду жить в Лондон!.. — пели они громко и, между прочим, так же, как танцевали и, так сказать, ныряли, то есть, мягко говоря, профессионально. И все время хохотали, так что автобус был просто переполнен этим их настроением, оно бушевало здесь, это какое-то просто счастье было, и я вспомнил, как мы ехали в таком же автобусе на открытие три недели назад со стрелками. ... Нет, лучше не думать об этом. ... Страшный ливень был снаружи, буря продолжала поднимать город, а здесь происходило прощание с Олимпиадой, и не было оно, между прочим, однозначно захватывающее весельем, иначе бы не грустила Маша Шурочкина, которая пишет стихи в инстаграме, но про Олимпиаду они у нее пока не сложились, потому что требуют особой сосредоточенности, вот они на днях уже поедут на сборы во Францию, там может возможность уединиться, там маленькие городки и есть тишина. ... — Так странно, — говорила мне Маша, — всего-то неделю, а такая вечность прошла. ... Я думала, это никогда не кончится. ... Вы не знаете, это правда, всегда так быстро все кончается? Мне кажется, я ее разубедил. ... — А это для Ксюши! — сообщила одна из художниц и поставила: — Ксюша, Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша. ... И ни с кем сегодня не гуляй. ...

Темы становились острее. — Улыбайся! И отдайся!!! — они смеялись взахлеб и были так прекрасны. И уговаривать им друг дружку было, возможно, бессмысленно. И не было ли это, черт возьми, обращено к Маргарите Мамун, которая там, на заднем сиденье со своим молодым человеком. ... — Вышлем за любовью!!

Если бы у них было, они бы сейчас выпили, а так — просто пели, но трезвыми не были, нет, это точно. То, что сейчас происходило с ними, бывает один раз в жизни, точно — один раз, и вот он, этот раз происходил сейчас, и не только с ними, и со мной тоже, и я в отличие от них, кажется, слышком хорошо это понимал. ... — Я был на дне. ... — поставила новую песню «художница». — Я был на дне. ...

И одна из синхронисток крикнула: — Точно! — Мир не тот, совсем не тот. ... И ты не грусти, ты зря не грусти. ... Да кто же тут грустил? Да все и грустили понемногу так же, как безудержно веселились. И тут зазвучало, видимо, главное: — Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз!.. Это были ведь те самые треки, которые эти юные создания ставят себе в паузах между тренировками, они же ничего не выбрали специально для закрытия, взяли с собой что было. ... Вот чем они на самом деле вдохновлялись, а главное — побеждают так, что ни у кого никаких шансов вообще нет. ...

— Два кусочка колбаски у тебя лежали на столе. ... — и этим тоже вдохновлялись они. — Поверь в мечту, поверь в мечту, поверь в мечту скорей. ... Небо может нам!.. Я думал, их хватит минут на десять, и завод этот закончится, просто не сможет не иссякнуть, а мы ехали уже минут сорок, и они только, кажется, начинали. ...

Потом одна из них что-то сказала, что-то тревожное, потому все сразу замолчали, и другая пошла к водителю что-то выяснять, оказывается — чтобы тот срочно остановил автобус. Я понимал, что это невозможно, потому что идет колонна на олимпийский стадион, он даже притормозить не сможет. ... — Никак. ... — слышал я через минуту, — он никак не может. ... — Тогда я просто выскочу, потому что больше не могу. ... — Да мы же недавно сели, что же ты?.. — Да я не хотела. ...

Я наконец-то понял, в чем дело и сначала успокоился было, а потом подумал, что же теперь действительно делать. Выхода ведь не было никакого. Тут подошел сопровождавший нас волонтер и сказал, что надо в бутылочку на задней площадке («Вот и бутылочка. ...»), а все отвернута. ... Она сначала категорически отказалась, а потом вдруг согласилась, потому что в конце концов нужда ведь заставила, тем более что одна подруга ей напомнила: — А на допинг мы как сдаем? Да так вот и сдаем!

И она ушла на заднюю площадку, и оттуда через мгновение донесся ее крик: — Обещайте, что вы не повернетесь!! В ответ включили погромче: — Все, что тебя касается, все, что меня касается. ... И еще погромче. ... Громкость максимальная! И через минуту она вернулась, раздались оглушительные аплодисменты. ... — Все, золотая медаль! — сказали ей. — Нет, бронзовая. ... — захохотала она. Что-то все-таки пошло не так. ... Как-то все это было по-прежнему весело и даже уютно, естественно и понятно, и когда кто-то сказал: «Ой, я, кажется, тоже захотела!..», уже с готовностью включили опять погромче. ... Но это уже шутка была, хотя такими вещами ведь не шутят. ... — Больше нечего ловить. ... Все, что надо, я поймал!.. — они продолжали, и это, честно, была лучшая поездка в автобусе за всю мою жизнь, а я поездил. ...

Потом пришлось выходить в дождь и дальше несколько часов находиться в нем. Еще полтора часа стояли на волейбольном стадионе, ко мне подходила узбекская гимнастка Оксана Чусовитина, которая обещала мне завоевать в Токио золотую медаль в свои 45 к тому времени лет, и рассказывала, что даже сегодня гражданин Узбекистана взял золото (у нашего, между прочим, Миши Алояна), и подтверждала, что золото в Токио от нее никуда не уйдет. Подходил к нам американский тренер по пятиборью, польского, конечно, происхождения, и поздравлял по-русски во всех смыслах. ...

Гандболистки раздобыли где-то внизу бутерброды с ветчиной, потому что в сухом пайке для спортсменов опять только сухая булка и была, и угощали теперь главного тренера сборной России по боксу Александра Лебязка, который потом нервно курил в сторонке, потому что не сразу, но раздобыл все-таки для себя сигарету, стрельнул у кого-то из голландских тренеров. ...

Подшел к нам и серб, 41-е место в спортивной ходьбе на 20 км, и пел русские народные песни очень громко, а все равно почти не слышно было, потому что все подтрибунное пространство напониало теперь огромный лагерь беженцев на окраине Турции. ... Кругом валялись пустые бумажные пакеты, бутылки из-под воды, я все время оказывался около переполненных мусорных баков, время от времени отключало электричество: видимо, уходило куда-то туда, на соседнюю Магасапу, куда в 20:30 направлялись наконец мелкими шажочками сквозь все тот же дождь и мы, гордость мирового спорта. ...

На стадионе предложили располагаться прямо на поляне, и все долго устраивались, и я видел тренера синхронисток Татьяну Покровскую, стоявшую на шатком пластиковом стуле, потому что она хотела хоть что-то разглядеть, а как там было разглядеть?.. Оттуда, со стадиона, я и уехал минут через 15, когда там все вроде только начиналось. Куда? А я откуда знаю куда. Может, этот автобус, в котором ехало счастье, искать. Его ведь теперь можно всю жизнь искать. И вряд ли уже найти. Да точно не найти.

Андрей Колесников, Рио-де-Жанейро

Потом одна из них что-то сказала, что-то тревожное, потому все сразу замолчали, и другая пошла к водителю что-то выяснять, оказывается — чтобы тот срочно остановил автобус. Я понимал, что это невозможно, потому что идет колонна на олимпийский стадион, он даже притормозить не сможет. ... — Никак. ... — слышал я через минуту, — он никак не может. ... — Тогда я просто выскочу, потому что больше не могу. ... — Да мы же недавно сели, что же ты?.. — Да я не хотела. ...

Я наконец-то понял, в чем дело и сначала успокоился было, а потом подумал, что же теперь действительно делать. Выхода ведь не было никакого. Тут подошел сопровождавший нас волонтер и сказал, что надо в бутылочку на задней площадке («Вот и бутылочка. ...»), а все отвернута. ... Она сначала категорически отказалась, а потом вдруг согласилась, потому что в конце концов нужда ведь заставила, тем более что одна подруга ей напомнила: — А на допинг мы как сдаем? Да так вот и сдаем!

И она ушла на заднюю площадку, и оттуда через мгновение донесся ее крик: — Обещайте, что вы не повернетесь!! В ответ включили погромче: — Все, что тебя касается, все, что меня касается. ... И еще погромче. ... Громкость максимальная! И через минуту она вернулась, раздались оглушительные аплодисменты. ... — Все, золотая медаль! — сказали ей. — Нет, бронзовая. ... — захохотала она. Что-то все-таки пошло не так. ... Как-то все это было по-прежнему весело и даже уютно, естественно и понятно, и когда кто-то сказал: «Ой, я, кажется, тоже захотела!..», уже с готовностью включили опять погромче. ... Но это уже шутка была, хотя такими вещами ведь не шутят. ... — Больше нечего ловить. ... Все, что надо, я поймал!.. — они продолжали, и это, честно, была лучшая поездка в автобусе за всю мою жизнь, а я поездил. ...

Потом пришлось выходить в дождь и дальше несколько часов находиться в нем. Еще полтора часа стояли на волейбольном стадионе, ко мне подходила узбекская гимнастка Оксана Чусовитина, которая обещала мне завоевать в Токио золотую медаль в свои 45 к тому времени лет, и рассказывала, что даже сегодня гражданин Узбекистана взял золото (у нашего, между прочим, Миши Алояна), и подтверждала, что золото в Токио от нее никуда не уйдет. Подходил к нам американский тренер по пятиборью, польского, конечно, происхождения, и поздравлял по-русски во всех смыслах. ...

Гандболистки раздобыли где-то внизу бутерброды с ветчиной, потому что в сухом пайке для спортсменов опять только сухая булка и была, и угощали теперь главного тренера сборной России по боксу Александра Лебязка, который потом нервно курил в сторонке, потому что не сразу, но раздобыл все-таки для себя сигарету, стрельнул у кого-то из голландских тренеров. ...

Подшел к нам и серб, 41-е место в спортивной ходьбе на 20 км, и пел русские народные песни очень громко, а все равно почти не слышно было, потому что все подтрибунное пространство напониало теперь огромный лагерь беженцев на окраине Турции. ... Кругом валялись пустые бумажные пакеты, бутылки из-под воды, я все время оказывался около переполненных мусорных баков, время от времени отключало электричество: видимо, уходило куда-то туда, на соседнюю Магасапу, куда в 20:30 направлялись наконец мелкими шажочками сквозь все тот же дождь и мы, гордость мирового спорта. ...

На стадионе предложили располагаться прямо на поляне, и все долго устраивались, и я видел тренера синхронисток Татьяну Покровскую, стоявшую на шатком пластиковом стуле, потому что она хотела хоть что-то разглядеть, а как там было разглядеть?.. Оттуда, со стадиона, я и уехал минут через 15, когда там все вроде только начиналось. Куда? А я откуда знаю куда. Может, этот автобус, в котором ехало счастье, искать. Его ведь теперь можно всю жизнь искать. И вряд ли уже найти. Да точно не найти.

Андрей Колесников, Рио-де-Жанейро

АНДРЕЙ ОРЛОВ (ОРЛУША)

олимпоззия

ГЛАВА 14

Плохие, хорошие, злые

Ну всё. Конец. Огонь погашен, Пустеет стадиона чаша, На «Маракане» станет пусто Всего через какой-то час. И, знаете, немного грустно, Хотя почти любой из нас За пролетевших две недели педали, Хоть раз, да вякнул: «Надоели Все эти Игры и скандалы!» Нас всех порядком поддоставало, Что, позабыв о стадионе, Все говорили про мельдоний, Про допинг-шмопинг и мочу. ... Пикачу На улице бразильской узкой, И вдруг тебе мешают: «Русский?» Тогда ответь, а на хрена Твоя огромная страна, Отдав спорт служебно злу, Своих спортсменов на иглу Сажает с самых малых лет? У вас один легкоатлет. ... Я отвечаю: «Что? Мельдоний? Вот, тоже мне, нашли беду! Все возмущились, пресса стонет, А мы про эту ерунду Давно и искренне забыли! У нас серьезней есть дела: Латынину дерьмом облили! Васильева в Минобр пришло! Уволил Путин Иванова, А значит, непонятно снова, Кто будет чем руководить... За блоги начали судить, За перепост — сажать! Дурдом. Антоха Носик под судом, Собчак беременна, Похоже, Газманов не попал в Литву, Про Крым не говорил Пригожин, Собянин перерыл Москву... А вы про допинг говорите?!! Тогда — пока, читайте Twitter!» Бразилец, что задал вопрос, От моего напора врос В асфальт, жарюю раскалённый, И вдруг промолвил удивлённо: «Я думал, тут у нас — проблемы... Ну, нищета, бассейн зацвёл, Но я же был совсем не в теме Про курс рубля и производ! У вас, похоже, там — засада Похуже, чем Олимпиада... Вы там держитесь (мой совет). Помог бы, только денег нет». Мы с ним пивка попить присели И — вспомнить эти две недели — По свежим, так сказать, следам, Ведь, пролетят года когда, Всё в нашей памяти плаксивой Вдруг станет розовым и лживым. ... Да, были схватки удалые... А как ревели стадионы! «Хорошие, плохие, злые» — Как ленту Серджио Леоне — Так, думаю, называть надо Про Игры на Олимпиаде Мой завершающий рассказ. Идею поясню сейчас: «Плохими» были мы сначала. Ленивая не показала На нас собака злобной лапой. На предварительном этапе И я был резко против нас В тяжёлый для России час, Потом подумал: наказали Почти что всех, что допинг жрали, А остальные-то при чём? Ты побеждай его мячом, Как наши деды побеждали, Крути быстрее него педали, Прыжком в зелёный водоём, Умело брошенным копём И выстрелом из лука метким, А не газетно заметкой! К концу — уже не осуждали, «Хорошими» «плохие» стали: Четвёртое в зачёте место — Вполне почётно, если честно. Возможно, с «грязными» бы вместе Остались мы на том же месте. ... Ещё «плохими», кстати, стали Четыре шпатовских пловца, Что ради красного словца Сказали: «Ой! На нас напали, К башке приставив пистолет!» А сами где-то туалет По пьянке ночью разгромили. Ох, как их в соцсетях умыли: «Хоть медалист ты, Райан Лохте, Но врун и распоследний лох ты!» «Теперь ты — бывший наш кумир, Спусти медаль свою в сортир!» Вот так, сказав всего два слова, Ты из «хорошего» в «плохого» Преобразиться можешь вмиг, Пусть даже золота достиг. «Плохих», «хороших» обсудили. ... А «злые»? «Злые» тоже были, Так волю злой и грубой силе Дал Михаил Мамиашвили, Избавивший Инну Тражукову, Борца. Не помню я такого... Сам — олимпийский чемпион. Позор! Ответить должен он. Вот лично я бы, без жеманства, Судил его за хулиганство, Влепил бы олимпийский срок! Один бы сел, другим — урок! Со «злыми» были и приколы: Два тренера (дзюдо, монголы) На судей не по-детски злясь, Сперва вдруг куртки наземь — хрясь! Потом — вообще один из них Остался в трусиках одних, А стадион, сойдя на визг, Орал: «Спасибо за стриптиз!» Ну что же, в этом месте надо Сказать: «Прощай, Олимпиада!» Мы в Токио через три лета Увидим и легкоатлетов. Коль им пойдут уроки впрок, То дай им бог, и дай им МОК Себя как нужно показать. Всё! Больше нечего сказать, Излил я вам из Рио душу. Вёл репортаж поэт Орлуша.